

**К вопросу об изучении влияния переводного дискурса
на языковые предпочтения
русской лингвокультурной личности**

*переводной дискурс, лексический прайминг, лексическая сочетаемость,
корпусный подход, русский язык*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02032).

«...Реальная переводческая практика порождает “переводной дискурс”, который, занимая особое место в дискурсивном пространстве принимающей культуры, при длительных контактах с исконными речевыми произведениями не может не оказывать существенное воздействие на всё это пространство» [Гарбовский 2011: 17]. Переводы, выделяясь на фоне текстов, изначально написанных на языке перевода, оказывают влияние на язык и культуру – с данным фактом спорить сложно, в его пользу говорят диахронические исследования. Так, на примере слова *духовность* можно наблюдать, как форма вошла в русский язык из польского, ассимилировалась в бытовом лексиконе, начала использоваться в значении ‘дела в ведении духовенства’, а позднее – под влиянием переводов – превратилась в семантическую кальку западноевропейского *spiritualité*, получив современную трактовку ‘свойства духовного’. Подобные изменения открываются для исследователя лишь в исторической перспективе. Но возможно ли определить и измерить влияние переводного дискурса на принимающие язык и культуру в синхронии? Ответ на этот вопрос, как отмечает Н.К.Гарбовский, дать довольно сложно ввиду отсутствия эмпирического опыта в исследовании темы [Гарбовский 2012: 130].

С появлением больших массивов текстовых данных и доступных инструментов для их статистической обработки сегодня мы уверенно говорим, что «корпус – это не просто дань техническому прогрессу или более удобный инструмент для поиска примеров; это именно примета новой идеологии изучения языка, для которой язык – вообще говоря, и есть корпус» [Плунгян 2008]. При наличии репрезентативного корпуса, актуального для конкретного исследования, а также инструментов, которые бы на основе статистических мер позволили выявить тенденции в данном текстовом массиве, может изучаться и влияние переводного дискурса на принимающие язык и культуру.

Однако для интерпретации любых цифровых данных при исследовании дискурса необходима базовая «система координат». В качестве одного из подходов к изучению влияния переводов на язык можно рассматривать теорию лексического прайминга М.Хоуи, в основе которой – новый подход к структуре языка, сущности понятий слова, значения, роли коллокации и коллигации. Словарная дефиниция, отмечает лексикограф П.Хэнкс, развивая идеи Дж. Синклера и соглашаясь с позицией М. Хоуи, – это всего лишь субъективная гипотеза [Hanks 2013: 147], а смысл (meaning), точнее «потенциал смысла» (meaning potential), есть не сущность, а событие, требующее присутствия (условно) говорящего и аудитории. На примере абстрактного имени существительного *enthusiasm* автор поясняет, почему каждый из нас знает, что это такое: мы слышали слово, знаем и умеем употреблять его в связях с другими единицами в дискурсивных контекстах, которые можно считать нормативными и типизировать [ibid.: 148]. Например, носитель английского языка с большой вероятностью в разговоре о путешествиях и туризме употребит сочетание *in winter*, а не *in/over/through the winter*, хотя все варианты потенциально верны. Причину выбора самого выражения и его роли в предложении исследователь объясняет тем, что каждая лексема обладает определённым набором дискурсивно и контекстуально обусловленных праймов (a word is primed to be used in certain conditions),

формируемых в процессе знакомства с миром и усвоения языка [Ноеу 2011: 158, 161]. Потенциальные смыслы рождаются в устойчивых словосочетаниях и обуславливаются частотой совместной встречаемости с другими словами в определённых контекстах. Вариативность праймов у группы носителей – причина постепенного изменения языка. Праймы – результат индивидуального познания, однако существуют три фактора, которые гармонизируют совокупность праймов в лингвокультуре: образование, СМИ и литература [Ноеу 2011: 159].

С точки зрения переводоведения, теория прайминга меняет статус словарных эквивалентов – на них автор предлагает смотреть как на переводческую трудность. Это «новые ложные друзья» переводчика, – отмечает Хоуи. Постепенно, перенося праймы в принимающий язык, подобные прямые эквиваленты (*apparent equivalents*) расширяют валентность слова – возвращаясь к примеру со словом «духовность», обратим внимание на лексические портреты (инструмент *Wordsketch* системы *Sketch Engine*) слов *духовность* и *spirituality*. Портреты на основе данных корпусов *ruTenTen2011* и *enTenTen2013* помимо традиционных сочетаний (например, *подлинная, истинная, русская, христианская духовность*) показывают наличие устойчивых сочетаний с прилагательными *интегральная* и *integral*, соответственно.

Несвойственная русскому языку сочетаемость появляется в переводах с английского работ философа К. Уилбера, популяризовавшего данную концепцию, а также в текстах на веб-ресурсах, посвящённых писателю и непосредственно теории. М.Хоуи отмечает, что словотворчество подразумевает сознательное нарушение схем, задаваемых праймом. Лексические портреты уже для *интегральный* и *integral* показывают, что для носителей как русского, так и английского языков эти слова «запрограммированы» на использование в контекстах, связанных с математическим понятием интеграла (*исчисление, уравнение, equation, calculus*). Для английского, безусловно, на первых позициях в отношении *nouns and verbs modified by "integral"* – фразы *integral part, role* и *compo-*

pent, а для русского на соответствующих позициях терминологические сочетания – *интегральная микросхема* и *интегральная индивидуальность* (психолог.). Таким образом, в ходе перевода расширена валентность как имени существительного *духовность*, так и прилагательного *интегральный*, а также праймы всех семантических ассоциаций, связанных с данными единицами.

Переводной дискурс в системе литературы (полисистеме, по И.Эвен-Зохару) является подсистемой и может занимать в ней центральное или периферийное положение. Перевод, транслирующий праймы из языка оригинала, можно рассматривать как явный (*overt*). В подобных текстах реализуется экспансия исходных языка и культуры. Чем более периферийное положение занимает переводная литература в системе, тем меньше вероятность интерференции со стороны текста оригинала [Maunapen 2004: 65-82]. Перед исследователем встаёт новая задача: какие данные собирать и обрабатывать? В каком виде переводной дискурс оказывает наиболее активное влияние на носителя русского языка?

В заключение, следуя классификации Хоуи, для осмысления поставленного вопроса приведём несколько фактов, которые позволят рассуждать о СМИ и литературе как источниках выравнивания праймов (и формирования, соответственно, речевых предпочтений лингвокультурной личности) в российском контексте.

«Российское телевидение – и прежде всего три государственные канала – обладает на сегодняшний день практически безраздельной монополией на формирование общественно-политической повестки внутри страны. Любые другие источники информации, в том числе в интернете, имеют несоизмеримо меньшие аудитории» [Волков 2014: 15]. Ограничения в рамках аудиовизуального перевода ведут к формированию переводного дискурса особого свойства. Прайминг определяет смыслы, смыслы складываются в концепты, рассматриваемые уже на новом уровне абстракции. Можно предположить, что, с точки зрения

лексического прайминга, именно переводной дискурс, представленный в телевизионных программах и фильмах (fictional television), является потенциальным источником активного «навязывания» (в огромном количестве гетерогенных контекстов, что важно) иноязычных лексических и семантических праймов, являющихся результатом косвенной интерференции (см., например, [Савко 2012]).

По данным Российской книжной палаты, в период с 2008 по 2014 гг. «...доля переводных изданий велика в сегментах художественной и детской литературы [преобладают переводы с английского – *Е.К.*] ...за прошедшие пять лет [доля переводов] выросла – с 14% до 22% в числе выпускаемых названий и с 11% до 20% в тиражах. В сегменте художественной литературы доля переводных изданий в тиражах выросла с 31% до 41%.» [Книжный рынок ...]. Однако в отчёте «Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы» отмечается, что «46% взрослых россиян не читают книг» [Дубин 2008: 21], «читатели, принадлежащие практически ко всем половозрастным и образовательным группам российского населения» «более или менее перешли ... на массовую беллетристику» [Там же: 25-26]. «...массовый читатель 1990-х шел тем же путем, что и читатель 1920-х годов, – от увлечения зарубежным детективом и западной мелодрамой к постепенному созданию отечественной массовой литературы» [Черняк 2015: 249].

Вывод о популярности и повсеместном сдвиге переводной литературы в центр полисистемы сделать нельзя, но в качестве одного из актуальных направлений, на наш взгляд, можно рассматривать миграцию англоязычных праймов в переводной беллетристике и детской литературе (например, об актуальности исследования детской массовой культуры см. главу «Агрессивное медиавоздействие в детских переводных журналах» в [Буряковская 2014]). Как верно замечает М.Хоуи, несмотря на то, что влияние художественной литературы на формирование языка в сознании носителей постепенно ослабевает, серия книг о Гарри Поттере сыграла свою роль в унификации праймов по всему миру, во всех

вариантах английского языка [Hoey 2011: 159].

Литература

Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе / В.А.Буряковская. – Волгоград, 2014. – 228 с.

Волков Д. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет / Д.Волков. – М.: Левада-Центр. http://www.levada.ru/old/sites/default/files/levada_report_media_0_0.pdf (дата обращения: 1.09.2016).

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» / Н.К.Гарбовский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 4. – С. 3-19.

Гарбовский Н. К. Русский переводной дискурс: миф или реальность / Н.К.Гарбовский // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Язык и культура в зеркале перевода» 25-29 апр. 2012. – С. 130-136.

Дубин Б.В. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы / Б.В.Дубин, Н.А.Зоркая. – М., 2008. 80 с. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/chtenie_v_rossii-2008.pdf (дата обращения: 1.09.2016).

Книжный рынок России Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. URL: <http://www.fapmc.ru/slabovid/activities/reports.html> (дата обращения: 1.09.2016).

Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А.Плунгян // Русский язык в научном освещении. – М., 2008. – № 2 (16). – С. 7-20.

Савко М.В. Косвенная интерференция как проявление языкового взаимодействия при переводе / М.В.Савко // Вестн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. МГПУ им. Шамякина. – 2012. – № 2 (35). – С.136-141.

Черняк М.А. Литературоцентричность современной массовой литературы: к вопросу о формировании читательской компетенции / М.А.Черняк // Чтение. XXI век. – М., 2015. – С.247-269.

Hanks P. Lexical Analysis / P.Hanks. – Cambridge, 2013. – 462 p.

Hoey M. Lexical Priming and Translation / M.Hoey // Corpus-Based

Translation Studies. Research and Applications. – London, 2011. – P.153-168.

Mauranen A. Corpora, universals and interference / A.Muranen // Translation universals: Do they exist? J. Benjamins, 2004. – P. 15-33.